

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ВЫДАЧИ ЛИЦ
ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

© 2018

Г.А. Амбарцумян, соискатель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права
Российско-Армянский Университет, Ереван (Армения)

Ключевые слова: экстрадиция; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; национальное законодательство; депортация.

Аннотация: В данной статье предпринята попытка комплексного подхода к проведению правового исследования института выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора в Армении и за рубежом, позволившего определить проблематичные аспекты экстрадиции на современном этапе, выявить некоторые специфические вопросы, которые в будущем для Армении могут стать проблематичными с точки зрения защиты прав экстрадируемых лиц.

В современных условиях проблема преступности как негативного социального феномена приобретает глобальный характер. В связи с этим становится важным оценить настоящее положение международной юридической системы в области правового сотрудничества по уголовным делам для того, чтобы создавать новые положения и улучшить применение уже существующих. Данное обстоятельство требует теоретического осмысления места института выдачи (экстрадиции) в системе международной уголовной юстиции.

Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью в современных условиях не только становится одним из важнейших направлений межгосударственных отношений, но и является основой для все более увеличивающейся по объему и значению международно-правовой базы. Необходимо отметить, что Армения имеет договорные отношения о выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора со многими странами мира. В текущий период (особенно после ратификации в 2002 году Республикой Армения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) важное значение приобретает регламентирование порядка осуществления экстрадиции и связанных с ее осуществлением юридических действий и закрепление процессуальных гарантий соблюдения при этом прав человека.

Данная работа посвящена анализу и обобщению проблем теории и практики экстрадиции, а также практики международных судебных органов и национальных органов уголовного правосудия новейших тенденций в развитии института экстрадиции как одного из ключевых элементов системы межгосударственного сотрудничества в уголовно-правовой сфере, а также рассмотрению некоторых специфических проблемы экстрадиции, которые в дальнейшем могут стать проблематичными с точки зрения процедуры выдачи, что с неизбежностью приведет к нарушению прав экстрадируемых лиц. Целью настоящей работы является также выявление тенденций развития норм права об экстрадиции, анализ научно-теоретических и практических основ возможных правовых реформ на основе изучения практики некоторых международных судебных инстанций.

Данная работа направлена на указание возможных направлений совершенствования правовой базы, регламентирующей процедуру уголовного преследования и выдачи лиц, на установление соответствия внутреннего законодательства международно-правовым требованиям.

Некоторые выводы, содержащиеся в работе, могут быть учтены при подготовке международных документов, нормативно-правовых актов Республики Армения, а также могут способствовать усовершенствованию техники заключения договоров со странами, не входящих в систему стран Совета Европы, во избежание нарушений прав экстрадируемых лиц.

Законодательную базу регулирования процедуры экстрадиции составляют Конституция Республики Армения (далее – РА) (с изменениями от 2015 года), Уголовный

кодекс РА, Уголовный процессуальный кодекс РА, а также международные договоры с участием Республики Армения.

Важнейшую роль в законодательстве РА об экстрадиции играют Международная конвенция о защите прав человека, а также иные правовые акты в рамках Совета Европы. В теории понятию «экстрадиция» дается несколько определений. Так, М.Д. Шаргородский еще в 1947 г. писал, что выдача – это передача преступника государством, на территории которого он находится, другому государству для суда над ним или применения к нему наказания. Ученые В. К. Звирбуль и В. П. Шупилова предложили другое определение: «Выдача преступников – это акт правовой помощи, осуществляемый в соответствии с положениями специальных договоров и норм национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, заключающийся в передаче преступника другому государству для суда над ним или для приведения в исполнение вынесенного приговора». В 70-е годы XX века Л. Н. Галенская определяла выдачу как «процесс передачи преступника в соответствии с нормами международного права другому государству для применения уголовного наказания». В отличие от В. К. Звирбуля и В. П. Шупилова, Л. Н. Галенская отмечала, что целью выдачи, наряду с исполнением наказания, является привлечение выдаваемого лица в качестве обвиняемого и обвинение еще предстоит доказать [1].

В рамках настоящей работы первоочередный интерес представляют международные договоры, заключенные РА, дающие правовое регулирование экстрадиции. Как известно, механизм защиты прав человека в рамках Совета Европы определен Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и протоколами к ней, который, несмотря на то, что гарантирует широкий спектр прав и свобод, однако они имеют достаточно отдаленное отношение к процедуре экстрадиции. Сам термин «экстрадиция» упоминается лишь единожды (в ст. 5-1(f) Конвенции), как допустимое основание для лишения человека свободы. Однако практика Европейского суда по правам человека показывает, что при рассмотрении вопроса о выдаче правонарушителя, органы государственной власти должны принимать во внимание целый ряд факторов, выходящих далеко за пределы тех положений, которыми они руководствуются.

При рассмотрении данного вопроса, следует в первую очередь указать на проблему соотношения Конвенции с другими международными договорами, включая и те, которые были заключены в рамках Совета Европы. Иногда на практике встречаются мнения о том, что наличие международного договора освобождает государственные органы от необходимости учитывать другие действующие международные договора. Однако, по мнению многих ученых-теоретиков и практиков, это «достаточно серьезное заблуждение» [2].

Ответ на вопрос как быть, если международные обязательства по договору о выдаче вступают в конфликт

с обязательствами по Конвенции, Суд дал в деле “*Soering v. The United Kingdom*”, ставшим основополагающим прецедентом в сфере экстрадиции для Суда.

В данном деле речь шла о предполагаемой выдаче Соуринга Соединенным Королевством согласно двустороннему договору штату Вирджиния (Соединенные Штаты), где его должны были судить за убийство и приговорить к смертной казни. Соуринг утверждал, что ситуация с исполнением смертных приговоров в Вирджинии с одной стороны, и с другой стороны задержки продолжительностью, как правило, в 6–8 лет между вынесением и исполнением смертного приговора, представляет собой, в первом случае, нарушение его права на жизнь (ст. 2 Конвенции), а во втором – бесчеловечное обращение или наказание (ст. 3 Конвенции). С другой стороны, Соединенное Королевство утверждало, что государство, осуществляющее экстрадицию, согласно Конвенции не может нести ответственность за бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, которое может быть применено за рамками его юрисдикции. Суд, однако, решил, что, несмотря на благие цели экстрадиции, которая Конвенцией не запрещается, она не может полностью или частично освободить государство-участника Конвенции от ответственности за предсказуемые последствия экстрадиции. В своем решении отметил то, что «сознательная передача беглеца в другое государство, если имеются существенные основания полагать, что ему будет угрожать опасность пыток или жестокого или бесчеловечного обращения, сколь бы гнусным ни было преступление, явно противоречило бы духу и назначению Конвенции». В решении было также отмечено то, что те государства-участники Конвенции, которые экстрадируют правонарушителя в страну, где возможны нарушения конвенционных прав и свобод последнего, будут нести ответственности за указанные действия [3].

Так, в данном деле Суд впервые закрепил принцип приоритетности Конвенции над другими договорными обязательствами в тех случаях, когда возможны нарушения прав экстрадируемого лица. Данный принцип лег в основу многих решений Суда по указанной проблематике.

Немаловажной проблемой защиты прав человека в контексте экстрадиции, которая очень часто рассматривается Судом, является проблема защиты экстрадируемого лица от возможных пыток или иного бесчеловечного или унижающего человеческого достоинство обращения.

Следует отметить, что все вышеуказанные выводы Суда в деле Соуринга были сделаны с точки зрения статьи 3 Конвенции, которая гласит: «Никто не должен подвергнуться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Право на защиту от пыток является абсолютной, т. е. не приемлет никаких исключений. В связи с серьезностью и императивностью данного запрета, именно статья 3 является ключевой в вопросах экстрадиции и именно с ней связаны основные проблемы защиты прав экстрадируемых лиц. Одновременно, в связи с таким абсолютным запретом, предполагаемое бесчеловечное и унижающее достоинство обращение должно достичь «минимального уровня жестокости» (как это указывается в решениях Суда) для того, чтобы попадать под действие ст. 3 Конвенции.

Проблематичной является и вопрос выдачи лиц, имеющих право на убежище. Данное право (как и многие другие права, которые закреплены в иных международных документах об экстрадиции) также не предусмотрено Конвенцией. Однако согласно существующим прецедентам Суда, статья 3 применима не только к лицам, которые пребывают законно под юрисдикцией государства-участника настоящей Конвенции, но и к лицам, которые ищут убежища или оказались под юрисдикцией данного государства нелегально. Например, в деле «Жители Восточной Африки азиатского происхождения

против Соединенного Королевства» было установлено, что экстрадиция в страну, в которой существует реальная опасность применения пыток или иных запрещенных видов обращения, равно как отказ в предоставлении разрешения на въезд в страну (например, по расовому признаку как это было в настоящем деле) могут быть расценены как нарушение статьи 3 Конвенции.

Следует отметить, что основанная позиция Суда по данному вопросу такова, что при рассмотрении вопроса о возможном нарушении ст. 3 Конвенции вследствие экстрадиции лица, в первую очередь необходимо установить тот факт, что государство, осуществляющее такую экстрадицию, знало или должно было знать о нарушении или о возможном нарушении прав экстрадируемого лица. При этом соответствующая опасность должна быть *реальной*, а не просто лишь вероятной. То есть, как указывается в прецедентах по данному вопросу, для установления наличия нарушения статьи 3 Конвенции, необходимы «*достаточные основания*» на то, чтобы предположить возможность нарушения прав гарантируемых Конвенцией.

Так, критерии определения «*достаточных оснований*» были существенно уточнены в связи с делом “*Vilvarajah and others v. The United Kingdom*”, где заявителями были шри-ланкийские тамилы, которым отказали в убежище в Великобритании. В ответ на предупреждение, что их вернут в Шри-Ланку, они утверждали, что там им угрожает плохое обращение со стороны службы безопасности, в связи с противостоянием между государственными войсками и тамильским освободительным движением. Их все же выслали из Соединенного Королевства и трое из них были подвергнуты жестокому обращению в Шри-Ланке. Суд отметил, что на момент их высылки в Шри-Ланку состояние безопасности там значительно улучшилось. К тому же Верховный Комиссар ООН по делам беженцев держал под контролем исполнение программы добровольной репатриации, во время которой многие тамилы благополучно вернулись. Суд отметил, что, несмотря на значительное улучшение, ситуация оставалась неурегулированной и поэтому существовала вероятность взятия заявителей под стражу и плохого обращения с ними. С другой стороны, только сама по себе вероятность плохого обращения не давала достаточных оснований утверждать о наличии нарушения статьи.

Таким образом, если существует реальный риск обращения, не совместимого со статьей 3, государство не должно высылать это лицо.

Хотелось бы также рассмотреть некоторые специфические проблемы защиты прав экстрадируемого лица, которые могут привести к нарушению статьи 5 Конвенции, гарантирующей право на свободу и личную неприкосновенность.

Следует отметить, что в отличие от статьи 3, статья 5 допускает случаи вмешательства в гарантируемое ею право, но исключительно в случаях, предусмотренных данной статьей и при условии соблюдения определенных гарантий.

Статья 5 определяет перечень случаев, когда задержание допускается, в том числе «законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче» (5-1(f)). Однако, формального наличия основания само по себе недостаточно, так как лишение свободы должно отвечать определенным требованиям.

Так, оно должно быть законным и преследовать законную цель. Причем, согласно практике Суда, требование законности касается как процесса, так и содержания. Более того, законность означает, что любое задержание должно проводиться в соответствии с национальным правом и Конвенцией, и не должно быть произвольным.

С точки зрения конвенционной системы, очень важно отложить выдачу до тех пор, пока не будет изучен вопрос законности задержания, поскольку результаты этого рассмотрения могут повлиять на законность самой выдачи.

Более того, ввиду гарантий, предоставляемых п.4 ст.5 Конвенции выдача или высылка должны всегда откладываться до тех пор, пока у суда будет возможность рассмотреть вопрос законности задержания и, в итоге, потребовать освобождения из-под стражи. Следует также отметить, что при судебном контроле над процедурой экстрадиции, внимание судов должно быть обращено именно на соблюдение процедуры выдачи и отсутствие оснований для отказа в выдаче.

Требование законности распространяется и на качество внутреннего закона, который должен быть доступен, предсказуем, и сформулирован с достаточной степенью точности.

Данный вопрос, *inter alia*, был рассмотрен Судом по делам "*Nasrulloev v. Russia* и *Ryabikin v. Russia*". При рассмотрении дела "*Nasrulloev v. Russia*", Суд, учитывая непоследовательные и взаимоисключающие доводы национальных властей по вопросу о правовом регулировании содержания под стражей с целью выдачи лица, определил, что «в отношении лишения свободы, которому подвергся заявитель, не действовали необходимые гарантии защиты от произвола. Положения российского законодательства, регулирующие содержание под стражей лиц с целью выдачи, не являются ни точными, ни предсказуемыми в применении и не соответствуют требованиям Конвенции в части «качества закона». Национальная система не смогла защитить заявителя от произвольного содержания под стражей. Его содержание под стражей не может считаться «законным» по смыслу статьи 5 Конвенции» [4]. Основываясь на указанных доводах, Суд установил, что имело место нарушение статьи 5 § 1 (f) Конвенции.

Суд в ранее вынесенных решениях неоднократно отмечал, что в случаях, касающихся лишения свободы, представляется особенно важным, чтобы соблюдался общий принцип юридической определенности.

По делу "*Ryabikin v. Russia*", поскольку вопрос касался качества национального законодательства, регулирующего содержание под стражей в ожидании экстрадиции, Суд напомнил, что он уже сталкивался с аналогичным вопросом в деле "*Nasrulloev v. Russia*". Суд отметил, что несоответствие внутреннего законодательства оказалось в центре внимания в данном случае снова, так как на протяжении всего времени содержания заявителя под стражей, российской правоохранительной системе не удалось определить компетентный орган, ответственный за санкционирование заключения, указать применимые правовые нормы и определить сроки такого задержания.

При таких обстоятельствах Суд не нашел никаких оснований отклониться от заключений, сделанных в решении по делу "*Nasrulloev v. Russia*" и подтвердил, что соответствующее внутреннее законодательство не сумело защитить заявителя от произвола. Вследствие этого Суд вынес решение о том, что его задержание нельзя рассматривать «законным» в пределах значения Статьи 5 § 1 (f).

Рассмотренные дела наглядно указывают на наличие правового пробела в Российском законодательстве и на его несоответствие Конвенции в плане отсутствия в нем положений, регулирующих порядок продления содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче. Несмотря на то, что Армения в процессе коммуникации с Судом не сталкивалась с такой проблемой, это еще не означает, что она в будущем не столкнется с ней, так как, схожая проблема существует и в законодательстве РА.

Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, как в Российском, так и в Армянском законодательстве должны быть внесены соответствующие корректировки во избежание в дальнейшем возможных нарушений прав человека аналогичного характера, поскольку нормы уго-

ловно-процессуального законодательства, регулирующие содержание под стражей с целью выдачи, не удовлетворяют требованиям ясности и предсказуемости.

В делах об экстрадиции это право предполагает наличие в национальном законодательстве права на обращение в национальные органы власти, прежде всего суды, которые имеют полномочия рассмотреть заявление выдаваемого лица на предмет возможных нарушений Конвенции, изложенных выше, и принять, при необходимости, решение о запрете выдачи или о необходимости предоставления запрашивающей стороной дополнительных гарантий того, что права экстрадируемого не будут нарушаться. Кроме того, обращение в данные органы должно приостанавливать процедуру выдачи, и главное, выдаваемому лицу должна быть предоставлена реальная возможность воспользоваться таким средством защиты.

Таким образом, анализ практики Страсбургского суда свидетельствует о необходимости учитывать международные обязательства в сфере прав человека при рассмотрении сотрудниками правоохранительных органов и судов запросов о выдаче правонарушителей.

Считаем необходимым рассмотреть также вопрос, связанный с возможной коллизией между договорными обязательствами в плане выдачи лиц в государства не входящие в Совет Европы, и возможности предупреждения таких коллизий на практике.

Как было отмечено выше, Европейская конвенция о выдаче заменяет собой положения любых двусторонних договоров, конвенций или соглашений, регулирующих выдачу любыми двумя договаривающимися Сторонами. В настоящей Конвенции установлен также принцип, согласно которому «договаривающиеся стороны» могут заключать между собой двусторонние или многосторонние соглашения только с целью дополнения Европейской конвенции или облегчения применения содержащихся в ней принципов (п. 1, 2 ст. 28).

Из вышеизложенного следует, что государства-участники настоящей Конвенции при заключении иных многосторонних или двусторонних договоров должны обратить особое внимание на технику заключения таких договоров для того, чтобы в будущем они не вступали в противоречие с конвенционными обязательствами государства, заключенными в рамках Совета Европы. Данная проблема остро стоит в случаях заключения договоров, где одна сторона договора является членом Совета Европы, а другая не является таковой.

Данная проблема является актуальной и для Армении, поскольку после того как последняя 25 января 2001г. стала членом Совета Европы, взяла на себя обязательство по установлению соответствия внутреннего законодательства европейским правовым стандартам (это касается также договорных обязательств государства).

Однако внутреннее законодательство Армении состоит не только из договоров заключенных в рамках Совета Европы, но и из тех которые заключены со странами, не входящими в систему стран Совета Европы. К ним, *inter alia*, относятся: договор между Республикой Армения и Объединенными Арабскими Эмиратами о выдаче; договор между Республикой Армения и Арабской Республикой Египет о выдаче; договор между Республикой Армения и Арабской Республикой Египет об оказании взаимной правовой помощи по уголовным делам; соглашение между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран о выдаче.

В них, как и во многих других договорах, установлены обязательные основания отказа в выдаче, которые практически полностью соответствуют существующим в современном международном праве основаниям отказа в выдаче. Поскольку существующий перечень таких оснований довольно широк, даже при очень большом желании невозможно исчерпывающим образом включить их в указанных договорах.

Следовательно, во избежание возможных проблем, которые могут возникнуть при рассмотрении отдельных дел о выдаче, предлагаем указать в перечне оснований возможного и/или обязательного отказа в выдаче, что в экстрадиции может быть отказано, если одна из сторон заключаемого договора имеет иные обязательства по договорам, стороной которых она является.

Другая не менее важная проблема, которую хотелось бы затронуть, это проблема скрытой экстрадиции, которая, несмотря на то, что очень часто встречается на практике, однако в силу своего «скрытого» характера, факт его совершения является очень трудно доказуемым. Скрытая экстрадиция возможна в тех случаях, когда виновного вместо экстрадиции депортируют в страну, где ему предъявляется обвинение в совершении преступления.

В настоящее время термин *депортация* является синонимом административного выдворения и означает вид административного наказания, применяющегося исключительно в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства и заключающегося в их контролируемом добровольном выезде или принудительном выдворении (в том числе под конвоем) за пределы страны пребывания.

В отличие от экстрадиции, когда лицо передается другому государству в связи с его уголовным преследованием или исполнением приговора по соответствующей просьбе государства, где осуществляется такое преследование, при депортации и административном выдворении осуществляется принудительная высылка иностранного гражданина (лица без гражданства) из государства в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в данном государстве [5].

Однако в международно-правовой практике встречаются случаи, когда государства, желая избежать определенных процедурно-правовых сложностей, которые возникают или могут возникнуть во время выдачи лица, пытаются вместо экстрадиции депортировать лицо. В современной международно-правовой доктрине данная практика именуется «скрытой экстрадицией» (*disguised extradition*). Нередки случаи, когда скрытая экстрадиция осуществляется в отношении лиц, совершивших политические преступления, что является недопустимой практикой с точки зрения экстрадиционного права.

В настоящее время против Армении международными судебными органами не было вынесено ни одного такого решения, однако это не означает, что в действительности такая практика невозможна (скорее это свидетельство того, что в указанные судебные органы не были отправлены такие жалобы). Более того, на наш взгляд, для Армении эта практика присуща, как и другим государствам.

Для минимизации данного явления, на наш взгляд, армянская правовая система должна обратить особое внимание на эту практику, и создать более действенные механизмы для выявления данных противоправных явлений (в этом плане особой может быть роль правозащитных организаций).

Следующий вопрос, о котором хотелось указать в данной работе является вопрос выдачи лица, являющегося гражданином непризнанного государства. Несмотря на то, что этот вопрос не является типичным для экстрадиционного права, однако, данная проблема может приставить определенный интерес для Армении (в плане нагорно-карабахского вопроса). Как известно, вопрос непризнанных государств существует во всем мире, и редко является предметом рассмотрения в различных международных судах.

Поскольку указанная проблема для международно-правового сообщества является относительно новой, следовательно, правовая доктрина в этом плане также стала развиваться сравнительно недавно. Интерес к данному вопросу возрос прежде всего в связи с тем, что международное сообщество все больше стало уделять

внимание проблемам защиты прав экстрадируемых лиц, нежели «формально правовым».

В деле *“Romania v. Cheng”* впервые был рассмотрен, *inter alia*, вопрос о статусе непризнанного многими государствами страны Тайвань. Определение статуса Тайвань играло ключевое значение, поскольку в деле решался вопрос экстрадиции тайваньских граждан.

Суд решил, что Канада не обязана экстрадировать виновных тайванцев в Румынию, поскольку преступление не было совершено на их территории. Более того, несмотря на отсутствие каких-либо правовых или дипломатических отношений с Тайванем, Суд решил признать юрисдикцию Тайваня в данном деле [6].

Суд также признал и закрепил очень важный принцип, согласно которому отсутствие официального признания независимости государства, не может препятствовать оказанию друг другу правовой помощи. Такое решение однозначно является наиболее благоприятной с точки зрения защиты прав и свобод экстрадируемых лиц.

Рассмотренная практика может в будущем представлять определенный интерес для Нагорно-Карабахской Республики, поскольку с аналогичной ситуацией могут столкнуться и граждане Нагорно-Карабахской Республики или лица, которые не имеют такого гражданства (в силу различных исторических и правовых причин), однако всю свою жизнь проживавшие на данной территории. Можно привести следующий пример, с которым указанные лица могут столкнуться.

Как известно, после событий в Сумгаите, а затем и после военных действий в Карабахе, многие карабахцы, часть из которых после распада Советского Союза (по разным причинам) получили азербайджанское гражданство, выехали из страны, и в настоящее время проживают в различных постсоветских государствах. Некоторые из них получили армянское гражданство, другие – гражданство страны-проживания, а некоторые остались гражданами Азербайджана.

В этом контексте проблема может возникнуть, например, если лицо, имеющее азербайджанское гражданство совершит преступление, на территории какого-либо постсоветского государства, в связи с этим возникнет вопрос об его экстрадиции в Азербайджан. На наш взгляд, с точки зрения защиты прав человека такая экстрадиция не должна быть допущена, однако на сегодняшний день никто из указанных лиц не защищен от нее. Поэтому нужно обратить особое внимание на данную проблему и попытаться найти способ избегания возможности допущения подобной экстрадиции.

Резюмируя вышеизложенное, попытаемся сделать некоторые выводы.

На наш взгляд, для создания действительно эффективных механизмов защиты прав экстрадируемых лиц, необходимо, *inter alia*, обратить особое внимание на следующие проблематичные вопросы:

1. Как в Российском, так и в Армянском законодательстве должны быть внесены соответствующие корректировки в нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие вопросы продления сроков содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче, которые, с точки зрения решений страсбургского суда, вынесенных против Российской Федерации не удовлетворяют требованиям ясности и предсказуемости.

2. Во избежание возможных проблем, которые могут возникнуть при рассмотрении отдельных дел о выдаче, лиц стране, не входящей в систему стран Совета Европы, предлагаем указать в перечне оснований возможного и/или обязательного отказа в выдаче, то что в экстрадиции может быть отказано, если одна из сторон заключаемого договора имеет иные обязательства по договорам, стороной которых она является;

3. Для минимизации возможностей осуществления скрытой экстрадиции, на наш взгляд, армянская право-

вая система должны обратить особое внимание на данную практику, и создать более действенные механизмы для выявления данных противоправных явлений (в этом плане очень важную роль могут сыграть правозащитные организации).

4. Предлагаем обратить особое внимание на проблему возможных нарушений прав лиц непризнанных государств, подлежащих выдаче (в контексте нагорно-карабахской проблемы), и попытаться (как на доктринальном, так и на правовом уровне) найти способы для избегания такой экстрадиции, где могут быть нарушены права и свободы данных лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М.: Новый Юрист, 1997. 216 с.
2. Роль Европейской Конвенции по правам человека в защите экстрадируемых лиц // Դատախաչի իշխանություն: Հոկտեմբեր, 2008թ., 6 (107).
3. Case of Soering v. United Kingdom, (Appication no. 14038/88); judgment; Srasbourg, 7 July 19.
4. Case of Nasrulloev v. Russia (Application no. 656/06), Judgment, Strasbourg, 11 October 2007, Final from 11/01/2008.; Para. 77.
5. Internetal Law. A South African Perspective / by John Dugard. Kenwyn: Juta and Company Ltd., 2001. 172 p.
6. Romania v. Cheng [1997] N.S.R.2d 13, 45 (Canada), reprinted in 15 Chinese Y.B. Int'l L. & Aff. 111–140 (1996–1997).

SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF EXTRADITION FOR CRIMINAL PROSECUTION BY ARMENIAN LEGISLATION

© 2018

G.A. Hambardzumyan, applicant of Chair “Criminal Law and Criminal Procedure Law”
Russian-Armenian University, Yerevan (Armenia)

Keywords: extradition; Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms; national legislation; deportation.

Abstract: In the following article an attempt is made to take an integrated approach to conducting a legal study of the institution of extradition of persons for criminal prosecution or execution of sentences in Armenia and abroad, which made it possible to identify the problematic aspects of extradition at the present stage, to identify some specific issues that may become problematic in the future for Armenia from the point of view of the protection of the rights of extradited persons.